

Э. В. Мигранова

«НЕ ЖИВИ, ЧТОБЫ ЕСТЬ, А ЕШЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ»: ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПИТАНИЯ БАШКИР В ФОЛЬКЛОРЕ

УДК 398(470.57)

ББК 82.3(2)+63.5(2Рос.Баш)

Статья написана на основе данных, содержащихся в древнейших произведениях башкирского фольклора — эпосе, сказках, пословицах. В ней рассматривается такой важный вопрос жизнеобеспечения, как культура питания народа: говорится об основных традиционных кушаньях и напитках башкир-скотоводов, отмечается роль продуктов земледелия в их рационе. В народной среде пропагандировалось бережное отношение к продуктам питания. В далеком прошлом у башкир с пищей были связаны определенные культы и поверья, а также табу. Анализ фольклорных произведений на предмет содержащихся в них этнографических данных показывает, что они, безусловно, могут являться ценным источником. Обращение к фольклору башкир показывает возможности его использования для изучения хозяйства, традиций питания, праздничных и обрядовых трапез народа: если древнейшие произведения устного народного творчества способны осветить архаичные пласты быта и мировоззрения народа, то более поздние изображают этнографическую действительность более реалистично, ярко и образно. Таким образом, изучение фольклора позволяет не только вскрыть глубинные пласты мировоззрения народа, прикоснуться к его архетипу, но и проследить эволюцию как духовной, так и материальной культуры.

Ключевые слова: башкиры, фольклор, традиции питания, праздники, обряды

Статья написана на основе анализа произведений устного народного творчества башкир, а также полевых этнографических материалов. Фольклор — уникальное духовное наследие народа, пополняемое веками. Возникнув в глубокой древности, обогащаясь новыми сюжетами и образами, фольклор донес до нас миропонимание, социальные и нравственные устремления многих поколений.¹ Особое место в нем занимают пословицы — краткие иносказательные образные выражения, несущие множественную смысловую нагрузку, часто поучительную. «Пословица — венец слову», — говорят башкиры. Эти мудрые изречения также назывались *халык һүзе* («слово народа»), *карттар*, *ата-бабалар һүзе* (слово стариков; слово предков) или *бороңзолар һүзе* (слово древних).

В фольклоре находят отражение любые сколько-нибудь значительные события, а также бытовые стороны жизни народа, в том числе традиции питания.

Башкиры относились к пище почтительно, считая ее даром Всевышнего. Это нашло отра-

жение в пословицах: «*Аштан оло булма*» («Не будь выше пищи»); «*Йәш оло түгел, аш оло*» («Выше/почетнее не возраст, а пища»). Осквернить еду значило навлечь кару на себя или на окружающих. Башкиры говорят: «*Төкөрмә ашыңа, ут сығар кашыңа*» («Не плюй в еду, а то огонь спалит твои брови»)² В народной среде пропагандировалось бережное отношение к продуктам питания: «*Аш кәзерен белмәһәң, аслык бирер язаңды*» («Если не знаешь цену пище, голод тебя накажет»). Большое внимание уделялось и качеству пищи: «*Ашты һеңгәс макта*» («Пищу хвали, когда она усвоится»).

Интересы голодного человека обычно ограничены поисками пропитания, он зол и страшен: «*Аска бер кашык аш алтындан киммәт*» («Голодному ложка еды дороже золота»); «*Ас кешенең асыуы яман*» («У голодного человека гнев страшен»). Сытый же, напротив, становится добрым, миролюбивым: «*Туйған яманлығын куйған*» («Сытый злым не бывает»); «*Ас һуғышыр, тук килешер*» («Голодный драться готов, а сытый — мириться»).

¹ См.: Зарипов Н. Т. Башкирские богатырские сказки. Уфа, 2008. С. 3.

² Использованные в статье пословицы содержатся в кн.: Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа, 1993; оригиналы на башкирском языке — в изд.: Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө, 1980; цитаты из сказок, эпосов, легенд и т. д. приведены из многотомника «Башкирское народное творчество», изданного на русском языке.

Причину многих болезней башкиры видели в еде, поэтому порой и лечились используя пищевые продукты. Об этом сложено много пословиц: «*Ауыр сиргә — якишы аш*» («Тяжелую болезнь хорошая пища лечит»); «*Ауырыу — йә астан, йә аштан*» («Болезнь либо от голода, либо от переедания»); «*Ауырыу аш менән керә, аш менән сыға*» («Болезнь входит с пищей, с пищей же и выходит»); «*Әсең ауыртһа, аз аша*» («Если болит живот, укроти рот»). Но даже к такому важному вопросу, как здоровье, башкирский народ подходил философски, а подчас и с юмором: «*Куп ашаған да, аз ашаған да — сирләгән*» («И тот, кто много ел, и тот, кто мало ел, — заболел»).

В фольклоре нашли отражение и некоторые запреты. Так, существовало табу на охоту на лебедей и на употребление в пищу их мяса, поскольку они считались «райскими» птицами. «Мясо лебедея для человека запретно»; «Если убьешь лебедея, всю жизнь одиноким, несчастным будешь, прервется твой род», — предостерегали опытные охотники. Отголоски табу на медвежью охоту на встречаем в поверье, согласно которому многие башкиры не употребляли в пищу медвежатину, боясь раздоров в роду.³ В башкирском Зауралье был известен праздник *Айыу туйы* («Медвежий праздник») со специфическими ритуалами, направленными на то, чтобы задобрить дух медведя — Хозяина леса.

Традиционно у башкир осуждалось пьянство: алкоголь считался причиной многих болезней и даже смерти. Это отражено в пословицах: «*Әтем шарап — булдым харап*» («Выпил спиртного — и пропал»); «*Аракы эскән әжәле етмәй үлер*» («Тот, кто пьет водку, раньше своей смерти умрет»); «*Аракы һүззе озайта, гүмерзе кыскарта*» («Водка разговор продлевает, да жизнь сокращает»); «*Әсеу акса таттыра, гәзиз башты олактыра*» («Пьянство денег требует да голову губит») и др.

По мере развития этикета формируется отрицательное отношение к чрезмерному употреблению еды, отмечается необходимость соблюдать меру: «*Тамакһау үлеме — тамактан*» («Смерть обжоры от еды»); «*Туйыр алдынан туя бел, кашығыңды куя бел*» («Умей вовремя ложку отложить»). В то же время есть и такая пословица, видимо, более ранняя: «*Якшы аш калғансы, яман корһак ярылһын*» («Чем оста-

нется хорошая еда, пусть лучше лопнет плохое брюхо»).

Но все же в пословицах подчеркивается, что необходимо хорошо питаться, чтобы хорошо работать: «*Ир канаты ат булыр, ашы кәс булыр*» («Конь — крылья мужчины, пища — его сила»). В свою очередь отмечается, что только трудом можно добыть «хлеб насущный»: «*Әшләмәй ризык булмай*» («Без труда не появится еда»); «*Әшләп тапкан аш тәмле*» («Заработанная еда вкусна»); «*Һөнәрлегә астан үлем юк*» («Владеющему ремеслом голодная смерть не грозит»); «*Кеше икмәгенә ауызыңды асма, үзең тап*» («На чужой каравай рот не разевай, сам добывай»).

В традиционном обществе, где преобладало натуральное хозяйство, большое значение имели календарные обряды. Не случайно все времена года красноречиво характеризуются в башкирских пословицах: «*Йәй эшләмәһән, кыш ашарға тапмаһың*» («Летом не поработаешь, зимой не поешь»); «*Яз булған, ите аз булған*» («Весной мяса мало»); «*Көз бай булма, яз бай бул*» («Будь богатым не осенью, а весной»); «*Яззың бер көнө йылды туйзыра*» («Весенний день год кормит»); «*Күз өсөн яз якшы, ауыз өсөн көз якшы*» («Для глаз весна хороша, а для рта — осень»); «*Яззың йәме сәскә менән, көзөң йәме көлтә менән*» («Краса весны — в цветах, краса осени — в копнах») и др.

У башкир были сильны общинные традиции взаимовыручки и бескорыстной помощи. В народе говорили: «*Һәт һораһаң, сеүәтәңде, ат һораһаң, йүгәңде йәшермә*» («Просишь молока — не прячь ковш, просишь коня — покажи уздечку»). Однако, согласно поверьям, после захода солнца не разрешалось выносить через порог молочные продукты, чтобы благополучие не покинуло дом, но если все же приходилось это делать, то прибегали к помощи охранительной магии: со словами «*бисмилла*» в сосуд с молоком опускали кусочек лучины.⁴ С неохотой давали займы соль, чтобы из дома не ушло благополучие; бытовало и поверье, что нельзя отдавать соль, взятую займы.⁵

Значительное место в фольклоре занимает тема щедрости и гостеприимства. Радушный прием гостя — национальная черта башкирского народа. Пословицы гласят: «*Кууңел етһә, аш етә*» («Хватило бы гостеприимства, угощения хватит»); «*Кунак төшһә, йортка*

³ Полевые материалы автора (ПМА), записано в 1999 г. в Бурзянском районе Республики Башкортостан (РБ).

⁴ См: Башкирское народное творчество. Т. 7. С. 444.

⁵ ПМА, записано в 2000 г. в Баймакском районе РБ.

йәм» («Гость — благо для дома»); «*Кунаксыл кешенең табыны буш булмай*» («Скатерть радужного хозяина пуста не бывает»). В сказке «Загадочные заветы» отец поучает сына: «Заведи везде друзей, встречай их приветливо, гостеприимно, тогда и сам, приехав к другу, почувствуешь себя как во дворце».⁶

Гостей необходимо было накормить с дороги, при этом выставлялись лучшие яства, какие были в доме. Башкирские пословицы гласят: «*Кунак килһә, канкаң ас, өйөңә инһә, казан ас*» («Если гость придет — открой ворота, если в дом войдет — открой котел»); «*Уткер бысак, һимез ит табын кәзерен килтерер*» (Краса застолья — острый нож да жирное мясо). Угощение зависело от достатка семьи: «*Тау билгәһе таш бульыр, бай билгәһе аш бульыр*» (Признак горы — камень, признак достатка — угощение); «*Бары менән байрам*» (Чем богаты, тем и рады). Для гостей старались приготовить мясное блюдо, для чего резали скот, обычно барана, причем более жирного, поскольку считалось, что «у жирной скотины восемь ног», т. е. «жирный баран равнозначен двум худосочным»; сохранилась и такая пословица: «*Һигез капма, һимез кап*» («Чем восемь раз поест постного, поешь один раз жирного»).

В башкирской легенде «Ушкуль» содержится описание подготовки к встрече с гостями: «Вблизи княжеских терьм, на берегу реки, в медных котлах варят баранину для угощения народа, прибывшего на праздник из разных мест. Над аулом расстилается дым: там ласковые хозяйки стряпают кушанья, которыми станут потчевать своих гостей... Перед терьмою князя расстилают ковры, расставляют чашки, украшенные хитрой резьбой...»⁷ Летом гостей обычно усаживали «на траву во дворе, затем весь круг обходили с кумганом⁸ и полотенцем, чтобы люди вымыли и вытерли руки».⁹ При этом гости садились не произвольно, а так, «как им укажут»;¹⁰ «молодьяжник — в одно место, старики — в другое».¹¹ Сначала гости и хозяева обменивались приветствиями, например, такими: «Множится ли скотина и птица, не заставляя ли себя ждать дожди?»¹² Вообще, в традиционных приветст-

виях всех народов содержится некий сакральный смысл; они подчас выступают своеобразными символами-оберегами. Приведем показательный отрывок из башкирской сказки: «“Эссаям, алейкем,¹³ инэй¹⁴”, — приветствовал егет.¹⁵ На что старуха колдунья-мяскяй молвила: “Если бы не твой саям, схватила бы тебя, разорвала пополам и проглотила”».¹⁶ В сказках ради гостей на уступки шли даже отрицательные персонажи: «Пришлым гостям аждаха¹⁷ отпускал только по ведру воды. “Кто там? Кто смеет воду брать?!” — спросил он, увидев человека. “Гость я, гость, пришел за водой”, — ответил малай.¹⁸ “А, тогда ладно, раз гость — набери воды”, — разрешил аждаха».¹⁹

Хозяева старались развлечь гостей беседой. Считалось неэтичным приглашать одновременно давних неприятелей: «*Ике дошманды бер табынга йыйма*» («Двух врагов на одно застолье не собирай»). В гости необходимо было прибыть без опоздания: «*Кунакка вакытында кил, үз кәзеренде белеп кил*» («Уважая себя, в гости вовремя приходи»). В то же время осуждались гости (кроме приезжих издалека), явившиеся задолго до начала угощения; про таких говорили: «*Урын өсөн иртә килгән*» («Пришел заранее ради места»).

По башкирскому обычаю *һоғондороу* хозяин подходил к гостям и вкладывал «каждому в рот по большому куску казы — жирной конской колбасы, после чего начиналось настоящее пиршество. Каждый гость ел за двоих и расхваливал еду и самого хозяина. Когда гости наелись, напились, они снова вымыли руки теплой водой и от души поблагодарили хозяев».²⁰

О правилах приема и угощения гостей говорится и в башкирском эпосе «Кара-юрга»:

Кушлак-батыр гостя приветствует,
Гостю своему место предлагает,
Ставит перед ним угощение,
Ставит мисками курдак,²¹
Ведроми дает ему айран,²²
Оказывает ему почтение, угощает его,
Ждет, какую просьбу выскажет гость.²³

¹³ Традиционное мусульманское приветствие «Мир вам».

¹⁴ Инэй (инэй) — мать, матушка.

¹⁵ Егет — парень.

¹⁶ Башкирское народное творчество. Т. 3. С. 135, 284 и др.; Т. 4. С. 200, 209.

¹⁷ Аждаха — мифологический многоголовый дракон, змей.

¹⁸ Малай — мальчик.

¹⁹ Башкирское народное творчество. Т. 3. С. 150.

²⁰ Там же. С. 229.

²¹ Курдак — жареное мясо.

²² Айран — кисломолочный напиток.

²³ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970. С. 102.

⁶ Башкирские сказки и легенды. Уфа, 1996. С. 169.

⁷ Нефедов Ф. Д. Ушкуль // Башкирия в русской литературе. Т. 2. Уфа, 1991. С. 149, 169.

⁸ Кумган — кувшин для воды с носиком и ручкой.

⁹ Башкирское народное творчество. Т. 4. Уфа, 1989. С. 226.

¹⁰ Башкирские сказки и легенды. С. 75.

¹¹ Башкирское народное творчество. Т. 3. Уфа, 1988. С. 364.

¹² Башкирские сказки и легенды. С. 197.

На угощении гостей построен сюжет башкирской сказки «Щедрый заяц». Какой-то человек отправил малолетнего сына созывать гостей, но тот, забыв, кого ему следовало пригласить, позвал на трапезу всю деревню. Естественно, угощения на всех не хватило, отец был зол на сына, поскольку опасался общественного осуждения, но, к счастью, на выручку пришли лесные звери, решившие помочь доброму мальчику. «Медведи катят бортевые ульи, олени несут на рогах ведра с молоком, волки волокут овечьи туши, зайцы тащат корзинки с орехами и ягодами, лисы — ощипанных кур и гусей... Три дня и три ночи угощались гости, а когда наконец разошлись по домам, то половина яств все еще оставалась на скатерти. Потом несколько лет подряд люди судачили об этом необыкновенном случае, потому что такого небывалого гостеприимства не было ни до этого, ни позже».²⁴

По башкирскому этикету следовало приветливо принять и угостить любого человека, даже незнакомца. В сказке «Хитрый сапожник» сказано: «Хозяин тут же распахнул дверь, встретил незнакомого человека приветливо и сразу пригласил на табын²⁵».²⁶ А в сказке «Мулла-мукомол» хозяйка обращается к мулле со словами: «Первый раз к нам заглянул, как же я отпущу тебя без угощения, сейчас самовар принесу».²⁷ Совместной трапезе приписывались сакральные, объединительные функции: «*Бер көн тэгәм итһәң, кырк көн сәләм бир*» («Один раз угостившись, сорок дней приветствуй»).

Часто в сказках или эпосе встречается сюжет, в котором более радушным хозяином оказывается бедняк: «*Һаран байға төшкәнсе, йомарт ярлыға төш*» («Чем входить в дом скупого бая, лучше войти в дом щедрого бедняка»). В то же время расточительство осуждалось: «*Кунак башына куй һуйһаң, кураңда куйың калмаң*» («Каждому гостю барана резать будешь — скотины не останется»); «*Сэй көлдөрөр, кесәне бөлдөрөр*» («Чай/пиры веселят, да карманы пустошат»); «*Кунак күп өйзә бәрәкәт юк*» («В доме, где много гостей, нет достатка») и др.

Гости, в свою очередь, также должны были соблюдать определенные правила, которые нашли отражение в пословицах: «*Кунак —*

хужаның ишәге» («Гость — ишак хозяина»); «*Аш табағы аша атлама*» («Не переступай через чашу с едой»); «*Һыйлағанда һыу булһа ла эс*» («Когда угощают, пей хотя бы и воду»); «*Алдыңа куйған ашты хурлама*» («Не охивай пищу, которую тебе поставили»). Угостившись, следовало поблагодарить хозяина: «*Ашың кайтһын ашыңа, бәрәкәт яуһын башыңа*» («Пусть пища за собой пищу ведет, пусть с ней в дом твой благополучие войдет»). Несмотря на обилие пищи, не полагалось много и с жадностью есть и пить, выбирать угощение получше: «*Кунак булһаң, тыйнак бул*» («Если ты гость, будь скромн»); «*Аз булһа ла, күптәй күр*» («И малое угощение прими как большое»). Про неблагодарного гостя говорили: «*Ашымды йотоп ултырыр, ашъяулығымды йыртып ултырыр*» («Сам ест мою пищу, сам рвет мою скатерть»). Гостей по обычаю с почетом принимали три дня: «*Кунак кәзере өс көн*» («Почет гостю три дня»); «*Өс көн кунак бул, өс көндәң һуң йыраҡ бул*» («Три дня гостем будь, после — подальше будь»).

По этикету девушка или молодая жена не должна была показывать гостю своего лица. Героиня сказки «Салимьян» обращается к своему мужу: «Салимьян, душа моя, встречай гостя, я не могу показать лицо чужому, неприлично».²⁸ Хотя в отсутствие остальных членов семьи молодая женщина, и даже девушка, могла принять гостя. В одной сказке говорится: «...встретила девушка визирей приветливо, коней приняла, самих накормила-напоила».²⁹ А в сказке «Ерәнсә и бай» хозяйка так обратилась к гостю: «Мужа дома нет, уехал путешествовать. Ладно, поживи до его возвращения».³⁰ В эпосе «Акхак-Кола» девушка приветствует гостя, прибывшего изда- лека, такими словами:

Проходи же, будь гостем, егет,
Пока в гостях отец мой и мать.
Повеселимся, пока их нет,
Пока покой здесь и благодать!³¹

Однако в целом совместное времяпрепровождение юношей и девушек осуждалось обществом. В сказке «Габдрахман» царь строго спрашивает своего визиря «Может, ты скажешь, почему твои дочери, нарушая законы шариата и правила приличия, тайком соби-

²⁴ Башкирские сказки и легенды. С. 115–117; Башкирское народное творчество. Т. 4. С. 416, 417.

²⁵ Табын — место, накрытое к трапезе.

²⁶ Башкирское народное творчество. Т. 5. Уфа, 1990. С. 48.

²⁷ Там же. С. 231.

²⁸ Башкирские сказки и легенды. С. 146.

²⁹ Башкирское народное творчество. Т. 5. С. 36.

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Башкирское народное творчество. Т. 1. Уфа, 1987. С. 197.

рают у себя молодых людей и веселятся с ними?»³²

Встречались случаи, когда к «гостевым» трапезам в мужской круг за особые заслуги допускались и женщины. Это могла быть почтенная мудрая старуха либо прославившаяся своими подвигами девушка-батыр (*батыр кыз*). В эпосе «Алдар и Зухра» главная героиня говорит: «Отец мой посадил меня по левую руку, а Алдара — по правую руку, мне бы, как девке, и не следовало сидеть с мужчинами по обычаям нашим, но так как я носила мужское платье и название батыра, то и садилась вместе с мужчинами».³³

Из фольклорных произведений, в частности из сказок, пословиц можно получить представление и об ассортименте традиционных башкирских блюд и напитков, как повседневных, так и праздничных, обрядовых. Многочисленные упоминания о молочных и мясных кушаньях свидетельствуют о значительной роли скотоводства в жизни башкир.

Обратимся к башкирским пословицам, в которых говорится о молочных продуктах — масле, сметане, катыке,³⁴ айране: «*Һәттә — һаулык, майза — бәрәкәт, иттә — кеүәт*» («В молоке — здоровье, в масле — благо, в мясе — сила»); «*Май уклау йоттора*» («С маслом и скалку проглотишь»); «*Майлаһаң, иске сабата ла үтә*» («С маслом и старый лапоть вкусен»); «*Кайза каймак — шунда кунак*» («Где сметана, там и гости»); «*Һаумай — һәт булмаҫ, язмай — май булмаҫ*» («Не подоишь, молока не будет, не взобьешь — масла не будет»); «*Икмәкте катыкка манған ас булмай*» («Тот, кто ест хлеб, макая в катык, голодным не будет»); «*Үзәңдә айран булмаһа, кешенән кымыз эзләмә*» («Если у себя нет айрана, у людей кумыс не ищи») и др. В пословицах отмечаются целебные свойства масла: «*Май ашағандың йөрәге талмай*» («У того, кто масло ест, сердце не устает»).

В сказках многих народов встречается сюжет о хитрой лисе и простодушном медведе, который запас на зиму бочонок с маслом.³⁵ В другой сказке старик-охотник, притаившись в дупле старой сосны, от имени колдуна (*сихырсы*) дает совет своей молодой жене, как «известить» мужа: «купить побольше масла, сливок и кормить его каждый день кашей с

маслом и масляными блинами, для того чтобы он ослеп и оглох».³⁶ Творожный сырный продукт *корот*, замешанный на меду, героиня одной из сказок берет с собой в дорогу;³⁷ добрая колдунья дает царевне в дорогу волшебный кусок масла да сыра: «сколько ни ешь того масла и сыра, они не убывают».³⁸

Молоко и молочные продукты, а также мед часто выступали символами обеспеченной, исполненной благодати жизни. Так в сказке «Черный щенок» бай требует проложить дорогу «из бриллиантов и яхонтов... и пусть по обеим сторонам дороги текут молочные и медовые реки да поют соловьи».³⁹

В далеком прошлом у башкир с пищей были связаны определенные культы и поверья. Так, молоко и кумыс в фольклорных произведениях часто выступают в качестве магического средства, с помощью которого совершается предсказание. Например, Урал-батыр, оставив девушке Карагаш курай, сказал, что «если ему будет сопутствовать удача и он будет жив-здоров, с конца курая закапает молоко (в других сказках — кумыс, масло, мед. — Э. М.), а если нет, то станет капать кровь».⁴⁰ В сказке «Санай-батыр» «из когтя беркута должен был политься кумыс, а из когтя журавля — мед побежать».⁴¹

Традиционному скотоводческому напитку — кумысу — в фольклоре уделяется особое место: он является непременным атрибутом практически любого праздничного угощения. Пословица гласит: «*Кымыз барза кызык бар*» («Когда есть кумыс, есть и веселье»). В сказке «Вызволнение Фатимы» говорится: «Однажды Мустафа, сын бая, попросив у отца разрешения, позвал всех егетов и девушек аула в гости — пить кумыс».⁴² Героиня сказки «Санай-батыр» молвит: «Кабы стать мне невестой Кусун-батыра, приготовила б я тогда самый вкусный кумыс на свете и всех людей угощать стала».⁴³ В сказке «Караса-батыр» жених подвергается испытанию, состоящему в том, чтобы залезть на семидесятиаршинный столб с чашкой кумыса на голове (в других сказках —

³² Там же. Т. 3. С. 275.

³³ Там же. С. 382.

³⁴ Катык — кисломолочный напиток, варенец.

³⁵ Башкирские сказки и легенды. С. 111.

³⁶ Археология и этнография Башкирии. Т. 5. Уфа, 1973. С. 20.

³⁷ См.: Башкирские сказки и легенды. С. 153; Башкирское народное творчество. Т. 5. С. 282.

³⁸ Башкирское народное творчество. Т. 4. С. 131.

³⁹ Там же. С. 342.

⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 38, 150.

⁴¹ Там же. Т. 4. С. 345.

⁴² Там же. Т. 5. С. 150.

⁴³ Там же. Т. 4. С. 345.

чашкой меда или молока).⁴⁴ Если сказитель в финале русских сказок сообщает, что «он-де на той свадьбе был, мед, пиво пил...», то башкирский рассказчик говорит, что и он «на свадьбе был, кумыс пил...»⁴⁵ Отмечается также необходимость тщательного взбалтывания кобыльего молока в процессе приготовления кумыса: «*Бешеуе килһә, төшөуе килер*» («Будешь как надо сбивать молоко — кумыс отменным будет»). Кумыс известен и своими целебными свойствами. Так, герой сказки «Алпамыша», чтобы стать сильнее, пьет перед боем одну-две чашки кумыса.⁴⁶

Примерно в XVIII–XIX вв. среди башкир распространились традиции чаепития, о чем говорят пословицы: «*Ас корһакка каты сәй*» («Для голодного желудка — крепкий чай»); «*Өйзәң көйө самауыр янында*» («Уют дома возле самовара»). В фольклоре упоминания о чае встречаются довольно часто. С. Г. Рыбаков, собирая в конце XIX в. башкирские народные мелодии и песни, записал и перевел на русский язык стих, восхваляющий чай:

Если пить утром этот чай,
То прибудет в голове ума или оживленья;
Если же в другой раз пить этот чай в полдень,
То годен будешь на многие дела;
Если пить чай вечером,
Не останется никакой работы в уме.⁴⁷

Герои башкирских сказок, и бедные, и богатые, и даже правители, любили побаловать себя чайком⁴⁸ и готовы были многое ради него отдать. Так, в одной сказке Алдар продал четвертину земли за осьмушку чая.⁴⁹ Вообще, предложить гостю чая у башкир означало выказать ему свое уважение и желание поддерживать с ним отношения. Так, царь-девица, которой был не симпатичен сватавший ее царь, «выпроводила его, даже не угостив чаем».⁵⁰

Башкиры, как правило, предпочитали из мяса конину и баранину, причем более вкусным и полезным считалось жирное мясо. В башкирском эпосе говорится, что наилучшее угощение готовилось из «мяса четырехлетних кобылиц».⁵¹ Следовало тщательно выбирать мясо для приготовления традиционных

башкирских блюд: «*Тәкә ите им булып, кәзә ите ем булып*» («Мясо барашка целебно, мясо козы худосочно»); «*Арзанлы иттең тозлого татымай*» («У дешевого мяса навары не бывает»). В пословицах особо отмечалось, в чем польза того или иного мясного блюда: «*Ите — иткә, һурһаһы — биткә*» («Мясо — для мускулов, бульон — для лица»); «*Һурһа эскәндең карыны йыуан, ит ашағандың балтыры йыуан*» («У того, кто пьет бульон, живот толстый, у того, кто ест мясо, ляжки толстые»); «*Кәзәнен ите елгә, һәтә имгә*» («Мясо козы — на ветер, молоко — на лекарство»).

Обильным мясным угощением сопровождались праздничные и обрядовые трапезы, но в то же время забой скота и наличие мясного угощения сами по себе могли стать поводом для приглашения гостей. Мясо обычно варили в казане и выкладывали на большом блюде, после чего гостей угощали бульоном — шурпой. Показателем силы батыра была его способность съесть целую тушу коня, быка или барана. По просьбе сказочного двуглавого батыра его жена готовит блюдо из тридцати пяти пудов мяса, причем он съел тридцать пудов. Приготовление мясных блюд — частый сюжет башкирских фольклорных произведений. Приведем лишь несколько примеров: «Велел Сын timers зарезать быка и варить мясо. Бура-батыр положил мясо в котел...»; «Зарезал один бай кобылу и предложил гостям вместе ее съесть. За неделю кобыла была съедена»; «Царь сел на указанное место, мяса отведал и со всеми шурпы похлебал...»; «Приготовив еду на летней кухне, женщина понесла в дом деревянную чашу с вареным мясом»⁵² и т. д.

Башкиры сохраняли мясо впрок несколькими способами: сушили, вялили, реже — коптили. Особым вкусом отличались вяленые конские колбасы — *казы*. В фольклоре встречается упоминание о том, что к свадьбе готовились такие огромные колбасы, что их можно было обернуть вокруг талии батыра. В башкирской легенде «Каранбай и Узьянбай» говорится, что герой «рано утром... достал из кожаного мешка сушеную конину, положил ее на огонь и утолил свой голод».⁵³ В употреблении мяса важно было соблюдать меру: «*Ит аз ашаһаң — им, күп ашаһаң — ағыу*» («Мясо, если ешь в меру — лекарство, много ешь — отравляющее»). Ливер особо не почитался: «*Ит*

⁴⁴ Там же. Т. 3. С. 207, 208, 225, 249, 250 и др.

⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 70.

⁴⁶ Там же. Т. 3. С. 55.

⁴⁷ Рыбаков С. Г. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 7. С. 289.

⁴⁸ Башкирские сказки и легенды. С. 129, 193; Башкирское народное творчество. Т. 4. С. 352.

⁴⁹ Башкирское народное творчество. Т. 5. С. 386.

⁵⁰ Там же. Т. 4. С. 175, 215; Т. 5. С. 256.

⁵¹ Там же. Т. 1. С. 282, 283, 512.

⁵² Там же. Т. 3. С. 142, 164, 292, 293; Т. 5. С. 48, 56, 329, 398.

⁵³ Юлуев Б. И. Башкирские батыры Каранбай и Узьянбай // ЭО. 1899. № 3. С. 179.

курмагэнгә үпкә танһык» («Тому, кто мяса не видел, и ливер в охотку»); «*Ишәк ат булмас, бауыр ит булмас*» («Осел лошастью не станет, печень мясом не назовут»).

Говоря о продуктах животного происхождения, нельзя оставить без внимания и кровь. Традиционно башкиры не употребляли в пищу кровь животных. Однако нельзя исключать того, что прежде в питании использовали и этот продукт. В башкирском эпосе «Урал-Батыр» родители Урала и Шульгена пили священный напиток из крови животного, но запрещали это делать своим детям до совершеннолетия.⁵⁴

Не менее сакральными считались сердце и голова животного. В эпосе «Урал-Батыр» есть такие строки: «Когда же самку зверя они убивали, для пищи лишь сердце ее вырезали...»⁵⁵ Согласно полевым материалам, сердце крупного животного башкиры употребляли в пищу, веря, что будут иметь храброе и здоровое сердце; напротив, куриное сердце многие не ели, считая эту птицу трусливой.⁵⁶ У башкир существует обычай *Баиште ашау* — угощение гостей головой зарезанного скота. Для скотоводческих народов издавна было характерно отношение к голове как к основномуместилищу жизненной силы.⁵⁷ Из произведений фольклора узнаем, что «опаленная баранья голова и часть зажаренной грудинки подносились с выражением почестей хану или знаменитым батырам».⁵⁸

Поедание сырого мяса совершенно не свойственно для традиционной башкирской культуры питания. Более того, по этой особенности можно было распознать злого волшебника или колдуна — героев башкирского фольклора. В одной притче сказано: «Во всех сихырсы (колдунах) вместо души, которую они продали шайтану за свои познания, была убыр — душа умершего, о чем можно было узнать еще при жизни, так как они ели иногда сырое мясо».⁵⁹ Как известно, в сказках убыры — людоеды, злые колдуны и волшебники, дэвы и тому подобные демонические персонажи — питались человечинной.⁶⁰

⁵⁴ Башкирское народное творчество. Т. 1. С. 36, 37. По древним поверьям, человеку, выпившему кровь зверя и съевшему его сердце, переходила его сила и ловкость, поэтому во многих охотничьих племенах существовали подобные табу для детей до прохождения обряда инициации.

⁵⁵ Там же. С. 36.

⁵⁶ ПМА, записано в 1999 г. в Бурзянском районе РБ.

⁵⁷ Башкирское народное творчество. Т. 1. С. 36.

⁵⁸ Там же. С. 338, 273.

⁵⁹ Археология и этнография Башкирии. Т. 5. С. 18.

⁶⁰ См.: Башкирское народное творчество. Т. 3. С. 263, 367 и др.

Несмотря на скотоводческое прошлое, у башкир было особое, трепетное отношение к хлебу, что также отразилось в фольклоре: «*Әзәмдән оло ат, икмәктән оло аш юк*» («Нет коня/существа выше человека, нет пищи выше хлеба»). Хлеб, как и домашний скот, выступает и как продукт питания, и как эквивалент благополучия, изобилия. В историографии встречается мнение, что хозяйства с развитым кочевым и полукочевым скотоводством почти всегда включали зачатки земледелия.⁶¹ В то же время и сам фольклор изменялся, отображая наиболее значительные события в жизни народа, в том числе и постепенный переход башкир к оседлому земледелию. Можно также отметить, что у башкир-скотоводов с давних времен существовали праздники, связанные с культом плодородия (например, праздник плуга — *Сабантуй*), практиковалось включение в обряды жизненного цикла продуктов земледелия: осыпание зерном молодоженов, приготовление блинов после брачной ночи, а каши — в честь рождения ребенка, угощение грачей на весеннем празднике *Карга буткаһы* (Грачиная каша) и др.

О наличии земледельческих традиций у башкир свидетельствуют и пословицы, в которых упоминаются сельскохозяйственные орудия и хозяйственные постройки, связанные с земледелием, в частности мельницы и амбары: «*Йөгөң күп булһа, келәтең тулы булыр*» («Тяжела поклажа — амбар полон»); «*Иген келәттә, кеше хезмәттә күренә*» («Зерно в амбаре, человек в деле смотрится»); «*Һүз һәймәгән тирмән корған*» («Не любивший болтать мельницу построил») и др.

Из фольклорных произведений можно получить представление и об ассортименте мучных и крупяных блюд. Встречается упоминание такого древнего кушанья, как *курмас* (жареное зерно), известного многим народам, не только земледельческим, но и скотоводческим. Часто горячее зерно (или горох) использовалось для получения признания: «Заставь мать пожарить курмас, и пусть подаст его в руке. Когда подаст, зажми горячий курмас в ее горсти и спроси, она не выдержит боли, скажет правду».⁶² Такому же испытанию мог быть подвергнут и судья.⁶³

⁶¹ См.: Бикбулатов Н. В., Мурзабулатов М. В. Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 98.

⁶² Башкирское народное творчество. Т. 5. С. 169; Т. 3. С. 62.

⁶³ Там же. Т. 5. С. 74.

Много башкирских пословиц посвящено каше, например: «*Бер ашан туйған кешегә бал да бер, боламык та бер*» («Сытому человеку, что мед, что мучная каша — все одинаково»); «*Бутка майзан туймай*» («Кашу маслом не испортишь»); досл. «Каша маслом не насытится») и др. Как и в русской сказке «Каша из топора», в башкирской сказке «Вареная железка» солдат готовит кашу из совершенно несъедобного предмета. При этом он замечает, что это «не козлятина, чтобы в воде варить», и просит девушку принести полный котелок молока, а затем ему понадобились еще две миски пшена, ложка соли и полкомка масла.⁶⁴ В башкирской сказке «Аюголак» каша используется для выяснения правды.⁶⁵

Герои фольклорных произведений не только пекут хлеб и лепешки и варят кашу, но и жарят баурсак,⁶⁶ готовят крупяной суп, толокно, стряпают пельмени, делают лапшу — салму — или клецки и т. д. Блины у башкир считались лакомством, они обычно готовились к праздникам и подавались с медом, маслом. Пословица гласит: «*Донъя ййы менән, коймак майы менән*» («Жизнь хороша размеренностью, а блины — маслом»). Муке, зерну, хлебу или лепешкам в сказках часто приписываются волшебные свойства. Так, «жена дала мужу волшебную палку и горсть муки, чтобы ее у пещеры рассыпать и усыпить стражников»; мука с чудесной мельницы выступает средством исцеления; от съеденного ячменного зернышка старуха рождает сына Арпа; из рассыпанного по земле гороха появляется войско и кавалерия; больной царь просит красавицу испечь ему хлеб, от которого он должен поправиться; к изможденному дэву (или богатырю) возвращаются силы после того, как он съедает хлеб. В сказках встречаются и никогда не кончающиеся «лепешки-подорожники». Каравай (или лепешка), лежащий в золе потухшего костра, в сказках является показателем времени: «если совсем обуглился и затвердел хлеб — давно лежит». Встречается и путеводная функция хлеба: «Егет кинул направо и налево два каравая хлеба, сел на коня и поехал посередине между двумя катящимися по земле караваями».⁶⁷

Пищевые продукты могли служить также в качестве зарока или обета. Например, давалось

обещание принести в жертву скот и приготовить коллективное угощение при благоприятном завершении какого-либо предприятия. В эпосе «Алдар и Зухра» отец героини произносит: «Не стану я есть горячего мяса и пить кроме одной чашки кымызу, пока не возвратится моя любезная батыр-кыз».⁶⁸ А в одном из вариантов эпоса «Куз-Курпяч» причитания матери в переводе на русский язык звучат так:

До свиданья с сыном ласковым
Зарекусь не разводить огня.
Пусть котлы стоят заржавлены:
Не варить в них мяса жирного;
Пусть ножи лежат притуплены:
Не крошить мне ими бишбармак?⁶⁹
Не пойду теперь коров доить
И не стану каймаку⁷⁰ готовить,
Да и крут⁷¹ больше не надобен.
Нет посуды масло вспахтывать...
Я не стану и кобыл доить,
Мне и кумыс делать не к чему,
Подавать его некому.⁷²

У башкир встречаются пословицы и про соль: «*Икмәк — тоззан баш тартма*» («От хлеба-соли не отказывайся»); «*Аштың таме тоз менән*» («Еде вкус соль придает»). Соль, как и хлеб отождествлялась не только с пищей, но и с внутренним содержанием объекта или даже человека. Так, про что-то приятное, притягательное, говорили: «*Тоз һипкән тиерһең*» («Как будто посыпанный солью»), а пустое, никчемное характеризовалось как *тозһоз* («пресное, несоленое»); подобным словом в башкирском языке обозначалась также бессмыслица или глупость.

Не последнее место в фольклоре занимает и общечеловеческая мудрость, что «не хлебом единым жив человек». О необходимости заботиться о духовном потенциале башкиры говорили так: «*Ашар өсөн йәшәмә, йәшәр өсөн аша*» («Не живи, чтобы есть, а ешь, чтобы жить»). Для традиционного мировоззрения башкир была характерна вера в предопределенность судьбы. Это нашло отражение в пословицах, связанных с пищевой культурой: «*Тамакка язған ризык теш һындырып инә*» («Предназначенная пища, поломав зубы, внутрь войдет»); «*Кеше ризығын кеше*

⁶⁴ Башкирское народное творчество. Т. 5. С. 395, 396.

⁶⁵ Там же. Т. 3. С. 178.

⁶⁶ Баурсак — зажаренные в масле кусочки теста.

⁶⁷ Там же. С. 366.

⁶⁸ Там же. Т. 1. С. 379.

⁶⁹ Бишбармак — традиционное башкирское блюдо из накрошенного вареного мяса и теста.

⁷⁰ Каймак — сметана, сливки.

⁷¹ Крут — тоже, что и корот — традиционный творожистый продукт, вид сыра.

⁷² Башкирское народное творчество. Т. 1. С. 299.

ашамаҫ» («Каждому предназначена своя пища/доля»); «*Бәндәне ризык йөрәтә»* («Человека пища водит») и т. д.

В заключение отметим, что анализ произведений устного народного творчества с точки зрения отражения в них объективной этнографической действительности показывает, что фольклор, безусловно, может являться ценным источником. Изучение традиций питания на стыке двух научных дисциплин — этнографии и фольклористики — открывает новые горизонты для исследователя. Обращение к богатейшему устному наследию башкир важно для изучения традиционного хозяйства, традиций питания, праздничных и обрядовых трапез, а сравнительно-исторический анализ фольклорных произ-

ведений различных народов может помочь при проведении этногенетических исследований.

Древнейшие произведения устного народного творчества освещают архаичные пласты быта и мировоззрения народа, нередко используя аллегории и символы, а более поздний фольклор изображает этнографическую действительность более реалистично. Следовательно, изучение фольклора как этнографического источника позволяет не только вскрыть глубинные пласты мировоззрения народа, прикоснуться к его архетипу, но и проследить эволюцию как духовной, так и материальной культуры. Роль фольклора представляется значительной также в развитии общественных отношений и в формировании общей культуры этноса.

Elza V. Migranova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center of the RAS (Russia, Ufa)

E-mail: *mig.el@mail.ru*

“DO NOT LIVE TO EAT, BUT EAT TO LIVE”: BASHKIR DIETARY TRADITIONS IN FOLKLORE

The paper is based on the study of ancient Bashkir folklore texts — epos, fairy tales, and proverbs. The focus of the study was one of the very important sustenance aspects, namely the dietary culture of the people: the author described major traditional dishes and drinks of the Bashkir-stockbreeders, mentioned the role of agricultural products in their diet. The people traditionally promoted a careful husbandry of food products. In the remote past the Bashkir practiced certain cults, beliefs, and even taboos related to food. The study of the folklore texts focusing on finding some ethnographic data demonstrated that they, apparently, may serve as a valuable source. The study of the Bashkir folklore demonstrated its potential for the study of economy, dietary traditions, festive and ritual meals of the people: while the oldest oral folk tales could throw some light on the archaic layers of everyday life and world views of the people, the later texts provided a more realistic, vivid and metaphoric description of the ethnographic environment. Thus the study of folklore offers an opportunity in addition to revealing the deeply hidden layers of the people's world views, have a glimpse of its archetypal images, also trace the evolution of both the spiritual and the material culture.

Keywords: *Bashkirs, folklore, tradition, food, holidays, rituals*

REFERENCES

Arkheologiya i etnografiya Bashkirii [Archaeology and ethnography of Bashkiria]. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Publ., 1973, vol. 5, 256 p. (in Russ.).

Bikbulatov N. V., Murzabulatov M. V. [Agriculture of the Trans-Ural Bashkirs in the 19 — early 20th century]. *Etnografiya Bashkirii* [Ethnography of Bashkortostan]. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Publ., 1976, pp. 97–118 p. (in Russ.).

Kireev A. N. *Bashkirskiy narodnyy geroicheskiy epos* [Bashkir folk heroic epic]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1970, 302 p. (in Russ.).

Nefedov F. D. [Ushkul]. *Bashkiriya v russkoy literature* [Bashkortostan in Russian literature]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1991, vol. 2, pp. 128–183. (in Russ.).

Zaripov N. T. *Bashkirskie bogatyrskie skazki* [Bashkir heroic fairy tales]. Ufa: “Gilem” Publ., 2008, 237 p. (in Russ.).